

Василий Боткин

Германская литература

Василий Петрович Боткин

Германская литература

«Наука в Германии представляет в настоящее время характер в высшей степени любопытный. Почти исключительно вращаясь до сего времени в теоретическом, отвлеченном направлении, – она теперь с какою-то жадностью обратилась к сфере практической, или, точнее сказать, она стремится осуществить результаты эти в жизни. Потому тот бы весьма ошибся, кто стал бы считать немецкие романы, повести, стихи – вообще беллетристику – представительницею современной германской литературы. Нет, интересы современной Германии так расширились, достигли такой упругости и возвышенности, что форма художественного произведения стала слишком сжатою для них...»

Василий Боткин
Германская литература

Наука в Германии представляет в настоящее время характер в высшей степени любопытный. Почти исключительно вращаясь до сего времени в теоретическом, отвлеченном направлении, – она теперь с какою-то жадностью обратилась к сфере практической, или, точнее сказать, она стремится осуществить результаты эти в жизни. Потому тот бы весьма ошибся, кто стал бы считать немецкие романы, повести, стихи – вообще беллетристику – представительницею современной германской литературы. Нет, интересы современной Германии так расширились, достигли такой упругости и возвышенности, что форма художественного произведения стала слишком сжатою для них. Полнейшим представителем современного движения в Германии должно считать ее историческую и философскую критику, в которой преимущественно сосредоточиваются все ее современные вопросы науки и жизни.

Никогда еще Германия не разделялась на столько ученых партий, как в настоящее время, никогда еще не было такой ожесточенной борьбы между этими партиями, как ныне. На

первом плане этой борьбы стоит так называемая «молодая гегелевская школа». Она собственно пробудила эту борьбу, сосредоточив в ней все современные вопросы. Это критическое движение в основах своих имеет много общего с характером французской литературы XVIII века; разница только в том, что все вращавшееся там более в чувстве, предположениях, мнениях, основанных на внутренней достоверности, – в Германии, в продолжение 100 лет, выработалось в определенное, логическое знание, основанное на исторической критике, вооруженной всеми результатами исследований германских наук. Немцы, доселе смотревшие с презрением на писателей французских XVIII века, теперь не только с жадностью читают, но снова переводят их и указывают на них.

Чтения Шеллинга имели целью парализовать критическое движение. Но история его призвания в Берлинский Университет составляет такое замечательное событие в современном положении германской науки, что мы считаем нелишним сказать здесь об этом несколько слов.

Уже в продолжение десяти лет носилась по горам Южной Германии туча, которая все грознее и гуще скоплялась против северной германской философии. В то время Шеллинг снова начал читать в Мюнхенском Университете; тогда же заговорили, что новая система близится к окончанию и что она решительно разрушит всю философию Гегеля. Сам Шеллинг давно стал противником этой философии; все прочие враги ее, за неимением действительных опровержений, обыкновенно оканчивали свои нападения на нее упованием, что Шеллингу стоит только выдать свою систему – и от учения Гегеля останутся пыль и прах. Отсюда понятна радость гегелианцев, когда Шеллинг, год тому назад, прибыл в Берлин и обещал предложить на общественное суждение свою, наконец, готовую систему. Сверх того, при боевом духе, которым всегда отличалась гегелевская школа, при той самоуверенности, какую она имела, – она рада была случаю наконец померяться с знаменитым противником.

Туча шла, шла, и наконец разразилась громом и молнией на кафедре в Берлине. Теперь

этот гром умолк, молния не сверкает более. Но попал ли он в цель, разрушается ли здание гегелевской системы – этот гордый чертог мысли? спешат ли гегелианцы спасать, что спасти пока возможно? Ничего не бывало. Дело, напротив, приняло неожиданный оборот. Гегелевская философия продолжает себе жить по-прежнему и на кафедре, и в литературе, и в юношестве, спокойно продолжает свое внутреннее развитие, зная, что все эти угрозы, эти мнимые разрушения – нисколько не коснулись ее. Шеллинг не оправдал надежд своих последователей.

Все, что мы сказали, – очевидные факты, против которых не может возражать ни один из поклонников новых Шеллинговых чтений.

Когда, в 1831 году, Гегель, умирая, завещал свою систему ученикам, число их было очень невелико. Система была вылита в строгую, упругую, отчасти тяжелую форму, которая впоследствии была причиною стольких порицаний. Но эта форма имела свою необходимость. Гегель, в гордой доверенности к силе идеи, сам не сделал ничего для популярности своего учения. Сочинения, изданные им при

жизни, были написаны строго научнообразным, почти тернистым языком, и назначались исключительно для одних ученых. Но самая эта странность языка и терминологии, на которую так нападали, была только следствием борьбы его с мыслью, ибо сначала главное было в том, чтоб решительно исключить язык представления, фантазии, чувства и уловить чистую мысль в ее самосознании. Когда этот фундамент был выработан, тогда можно было обратиться к популярности и общеупотребительному изложению.

Настоящая, действительная жизнь гегелевской философии началась лишь после смерти Гегеля. Издание его чтений имело необыкновенное действие. Широкие врата открылись к доселе скрытому, дивному богатству. Вместе с этим само учение в устах учеников Гегеля приняло более доступный, ясный образ. Оппозиция против него в то время была слаба и незначительна. Юношество тем с большею жадностью обращалось к новой философии, что в ней стал обнаруживаться прогресс, именно тот, что она начала принимать в себя жизненные вопросы науки и

практики.

Границы, в которые заключил было Гегель могучее, стремящееся движение своего учения, зависели отчасти от его времени, отчасти от его личности. Система его в своих основных чертах была окончена еще до 1810 года; взгляд Гегеля на современность заключился 1820 годом. Политические его мнения, его понятие о государстве, за образец которого взял он Англию, носят на себе очень ясную печать времени восстановления. Отсюда можно объяснить и то, почему для него представлялись в смутном виде последующие события в Европе. Но необычайная верность и крепость ума Гегеля видна именно в том, что система его слагалась независимо от его личных мнений, так что лучшая критика выводимых им результатов есть поверка их его же методом. И в этих-то результатах часто видно влияние его личных мнений. Его философия религии и философия права получили бы иной вид, если б он развил их из чистой мысли, не включая в нее положительных элементов, лежавших в цивилизации его времени; ибо отсюда именно вытекают противоречия

и неверные выводы, заключающиеся в его философии религии и философии права. Принципы в них всегда независимы, свободны и истинны – заключения и выводы часто близоруки. В этом обстоятельстве лежала причина разделения школы на правую и левую. Одна часть учеников обратилась к принципам и отвергла выводы, если они не вытекали из принципов; они же внесли в диалектический метод его все жизненные вопросы времени. Эта школа названа была левою школою. Правая осталась при одних выводах, несколько не думая о принципах их.

Но вместе с этим внутренним развитием школы, и ее внешнее положение не осталось без перемены. Министр Альтенштейн, чрез посредство которого Гегелева философия утвердилась в Пруссии, – умер. Вместе с другими переменами после его смерти прекратилось и покровительство новой школе; напротив, начали теснить ее. Впрочем, гегелевская философия не имеет причин жаловаться на это: ее прежнее положение бросало на нее ложный свет и иногда привлекало в ней таких приверженцев, которых гораздо лучше

иметь врагами. Ее ложные друзья – эгоисты, люди половинчатые и поверхностные, теперь, к счастью, понемногу отступают от нее.

Чтобы парализовать движение гегелевской философии, начали приглашать в университеты профессоров противоположного направления и наконец, чтоб нанести окончательный удар учению Гегеля, – пригласили в Берлин самого Шеллинга. Действительно, приезд его туда возбудил большие ожидания. Шеллинг занимал в новой философии место высокое и значительное: но, несмотря на многие глубокие идеи и движение, внесенных им первоначально в философию после Фихте, он доселе не издал еще полной системы своей философии. Во вступительных лекциях объявил он, что система его давно готова, но что он все держал ее втайне, дожидаясь своего времени. Сущность этой системы было, по его словам, примирение веры и знания. Чтения начались. Но, к удивлению всех, Шеллинг оставил в стороне путь чистой мысли и погрузился в мифологические и гностические фантазии. Словом, возведенное им новое бы-

ло то, что он читал еще с 1831 года в Мюнхенском Университете – без всякой перемены, вместе с своею философией мифологии, известно еще до того времени.

Между тем самое желание парализовать критическое направление необходимо должно было усилить его и способствовать к ясной определительности противоборствующих сторон. Так как Немцы ни о чем не любят говорить поверхностно, да и предметы споров слишком глубоки и многосторонни, то противники часто оставляют слишком тесные границы журналов, бросают друг в друга сотнями брошюр, доказывают свои положения в книгах, многотомных сочинениях. А прошло едва ли восемь лет с тех пор, как начало обнаруживаться это движение. Особенно замечательно то, что люди, направляющие его, отличаются самую глубокою, многостороннейшею ученостью. Но это же самое делает, что прения их доступны только людям, уже сколько-нибудь знакомым с наукою, между тем как большая часть публики остается лишь удивленным, пассивным зрителем их. Наука у Немцев еще до сих пор не свергла

с себя своей отчасти схоластической внешне-
сти, которая иногда отталкивает от себя лю-
дей ученых и образованных: ибо, не освоив-
шись с ее внешностью, языком, терминологи-
ей, не без большого труда можно приступить
к ней. Критическая школа понимает это и
первая начала употреблять старания сбли-
зить науку с жизнью, то есть выработанные
наукою результаты излагать и объяснять про-
стым, общеупотребительным языком. Впро-
чем, надобно ко всему сказанному присовоку-
пить то, что это новое критическое движение
выработано самою германскою жизнью: все
его вопросы и спорные пункты суть результа-
ты ее исторического и религиозного разви-
тия, и потому надобно хорошо знать ступени
германской цивилизации и науки, чтоб пони-
мать их. Сверх того, это критическое движе-
ние вращается в столь философской сфере,
что для русских читателей оно не может
представить достаточного интереса. Да при-
том сколько-нибудь отчетливое изложение
его потребовало бы слишком много предвари-
тельных исследований. Вот почему, оставляя
его, мы будем по-прежнему говорить о заме-

чательных явлениях немецкой литературы, не входящих в ее философско-критическое движение, имеющее свою совершенно отдельную литературу.